

СЕРГЕЙ ЛЕЙБГРАД

* * *

Швейцария и Швеция, - так ток шипит, когда в себе я замыкаюсь, и мыкаюсь, и смутно увлекаюсь, и пробки отлетают в потолок.

Все замерзает: родина, язык, и полость ночи сводит от молчанья, и слово непослушное, как крик, скрывается, теряя очертанья.

Усни, попробуй, в доме ноября, в квартире, не расхищенной за ветхость, где капает из трубки фонаря последний свет на тонкую поверхность.

Усни, попробуй, вырвись из куска постели, из надышанных предплечий, из запаха мочи и молока, из детской отреченности от речи.

* * *

Запинаюсь, толкую, долдоню, святотатствую, боготворю, истончаю ландшафт на ладонях слой за слоем, молчи, - говорю.

Это в ключья разорванный глобус, ветошь, рытвины, пыль, сквозняки, листья. Осень похожа на обыск, на предательство правой руки, воспаление среднего уха и прозрение левого глаза. Я сегодня страшной водолаза, а вчера не хватало мне духа.

Беспредметная тяга в предместье, спи. Итак, я опять на Итаке. И дрожит, задыхаясь, созвездье Гончих псов и бродячей собаки...

* * *

- Книжная тля, вывих гипофиза.
- Техника для дома и офиса.
- Третьего дня после Иосифа.

Ангел вспорхнул - биться меж стекол, улица, гул, колокол, локон, Цезарь в снегу - вылитый кокон...

Только моргнул точно под током, только уснул после потока, после потопа сознания

31 января 1996г.

* * *

Порезавшись: кровь выпущена в свет, - подумаю, застыну на пороге.
- Поешь по-человечески с дороги, - ответствуют, но я не людоед.
Я был рожден еще до нашей эры, до вашей, смуглый отпрыск, иудей, славянофил, я рассмешу людей и соберутся милиционеры, пожарники, медбратья, шулера, невесты, проститутки, казнокрады и культпросветработников бригады, работников ножа и топора.
Уж есть за что припасть к тебе, Прасковья!
С волками жить и по-чувашски петь, и молоко родительское с кровью посасывать, поглатывать, хрипеть...

Я по ночам губами шевелю, глаза таращу, женщину люблю.
Я по утрам еще имею виды на Волгу и на мартовские иды, да я бессмертен, Господи прости, талон трамвайный комкая в горсти.

* * *

Закат или сфинкс, надкусивший гранат, а утром, когда возвращаться назад, гранит цвета детских коленок, как горизонтальный застеночек.

И море и небо - один сатана, и стороны света - одна сторона, и зрение и осязанье, и пульс для потери сознанья.

Дарована смерть, чтоб закаты встречать, на высокопарные стаи взирать, на сны и дырявые снасти.
И шепот стихии не перекричат простуженным голосом страсти.

* * *

Можжевательник, шиповник, вереск, может истина, может ересь или просто слова не слышны

на границе исчезновения за гранью чужой страны с чувством потери сознания и почти без чувства вины.

Это только в Норвегии, только если синдром безнаказанности, словно аэродром без таможи и тамошних полицейских, без пощады, как дети, только не заболеет, дети - это цветы, но с каких Елисейских полей.

Я почти распадаюсь, в пространствах троясь, в зеркалах моментальных, как счастье, трясясь на ментальных ухабах.
На театре антракт: Иисус, Иегова, Аллах отдыхают в тени эвкалиптов, олив, баобабов.

На театре военных бездействий у жертвы есть шанс поменяться местами

со зрителем или прислугой.
Жди, любимая, жди, этот час, этот век, этот транс-атлантический север, где вечность зовется округой, даже если вокруг ни души, как в нее не смотришь, острова, острова, словно гладкие тени заблудших.
Телефонная будка - не лучшее место для исповеди в этом лучшем, как сказано где-то, из лучших...

* * *

Дай дотянуться, молча, до руки, единственность единству вопреки морочит зренью и мосты разводит, и вновь глухи и снова далеки, я, точно форвард, на противохоме переиграл течение реки.

Вечерний зной дрожит, как полотно.
В библиотеке сыро и просторно. Пора запора, судорога, порнокопытные секстанты пьют вино затмения в пакгаузе, в уборной, в соборе, в коридоре, все равно где. Волга слишком выпукла и вздорна для Леты. По жасминовым кустам джазмены делят славу пополам с деньгами торовато и проворно.

Сознание сквозит со всех сторон: Маркиз де Сад, Маркузе и Адорно, Евфрат и Тигр, Брокгауз и Ефрон. Все издано и все уже бесспорно, и все уже отправлено на фронт. Все кончено, сажай другой реликт. В трамвае, как в Китае, не добраться до места, где взрывается конфликт и времени, чтоб так и не взорваться.

Уже темно, уже любые па бессмысленны, уже не хватит памяти моей на запахи и лица. Тебя сжимает медленно толпа, пока до дна в тебе не растворится...

* * *

Кто ленч отличает от линча среди нас, - за того помолись. Как будто суставы срослись неверно, как в старости, в клинче - ты тщишься убрать со стола посуду, ты стала стара, ты встала сегодня не с правой ноги, отрицая судьбу и древние местные нравы, которые часто в гробу я вижу. Толпятся оравой Саудовской в белых платках от липкого снега и света, от солнечной ряби в глазах какие-то люди: брюнеты, брюнетки, блондинки. Монеты звенят. Монотонно минуты уходят. Сгущаются смуты. Чай крепок, и подан как раз. Спасибо, я полон смущенья, спасибо за все угощенья, за место внутри помещенья и жизнь, опознавшую нас.